

Томилини В.Е.

**"Господа и слуги": Повесть
из жизни псовых и ружейных
охотников**

Часть 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В11

В11 **В.Е. Т.**
"Господа и слуги": Повесть из жизни псовых и ружейных охотников: Часть
1-2 / Томилин В.Е. – М.: Книга по Требованию, 2024. – 204 с.

ISBN 978-5-519-77302-7

ISBN 978-5-519-77302-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Землевладельцы Дятлевы.

— Какъ мнѣ надоѣлъ этотъ Горный Институтъ, говорилъ самъ себѣ, лежа на постели, бѣлокурый молодой человѣкъ съ голубыми глазами, и зачѣмъ только я пріѣхалъ въ Петербургъ изъ деревни, гдѣ теперь самый разгаръ псовой охоты! Не уѣхать ли обратно, покамѣстъ есть возможность и не всѣ истрачены деньги? Рѣшено — ѣду — и пришедши къ такому заключенію, Петръ Александровичъ Дятлевъ началъ поспѣшно укладываться, отправивъ предварительно домой своей сестрѣ Софьѣ Александровнѣ телеграмму, а за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, въ захолустномъ уѣздномъ городишкѣ, исключительно населенномъ евреями, другой Дятлевъ, Иванъ Александровичъ, въ мундирѣ юнкера драгунскаго полка, угрюмо ходилъ по комнатѣ квартиры и раздумывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ.

— Скучно, ужасно скучно, думалъ Иванъ Александровичъ, не выйти ли въ отставку и не испросить ли у полковника отпускъ, къ тому же сестрѣ Сони вѣроятно очень тяжело управлять имѣніемъ, да и то сказать, послужилъ и довольно. Завтра ѣду въ штабъ полка — подаю въ отставку и испрашиваю отпускъ, а покамѣстъ присядемъ и напишемъ сестренкѣ телеграмму о высылкѣ на станцію лошадей, и Иванъ Александровичъ присѣлъ къ столу. Когда телеграмма была отправлена по назначенію, то Дятлевъ, призвавъ хозяина, рассчитался съ нимъ за квартиру и съ покойной совѣстью

улегся спать. Черезъ нѣсколько времени оба брата, точно стоворясь, съ разныхъ концовъ Россіи стремились въ родовое имѣніе „Свѣтлое“ и съѣхались на желѣзно-дорожной станціи.

— Петя, другъ, здравствуй! вскричалъ Иванъ Александровичъ, обнимая брата. Вотъ не ожидалъ кого встрѣтить! Я думалъ, что ты въ Горномъ слушаешь лекціи.

— А я, Ваня, полагалъ, что ты держишь экзаменъ, для поступленія въ Юнкерское училище и ужъ никакъ не думалъ тебя видѣть на станціи.

— Я, Петя, бросилъ военную службу.

— И поступилъ очень опрометчиво, прибавилъ назидательно старшій братъ; если я оставилъ Горное, продолжалъ Петръ Александровичъ, то только единственно потому, что имѣлъ къ этому вѣскія причины.

— Позволь узнать какія? спросилъ Иванъ Александровичъ.

— Я имѣлъ въ виду помочь сестрѣ въ управленіи имѣніемъ.

— Вообрази и я это имѣлъ въ виду и только ради Сони растался съ полкомъ; намъ бы, прежде чѣмъ предпринимать что нибудь рѣшительное, слѣдовало списаться и тогда одинъ изъ насъ могъ свободно продолжать занятіе.

— Дѣло еще поправимо, сказалъ Петръ Александровичъ, поѣзжай, Ваня, обратно въ полкъ и верни отставку.

— Нѣтъ, Петя, тебѣ это легче сдѣлать, возвращайся въ Петербургъ и отдай обратно бумаги, кому слѣдуетъ.

— Я ни за что не поѣду въ Петербургъ, онъ мнѣ страшно надоѣлъ.

— А я не поѣду обратно въ полкъ, жизнь въ немъ очень тягостна.

— Лентяи мы, другъ мой милый, съ тобою, не заботы о сестрѣ насъ тянутъ въ деревню, а непроходимая лѣнь и сознаніе того, что нашъ покойный отецъ оставилъ намъ со-

стояніе, слишкомъ довольное для того, чтобы не заботиться о насущномъ, но что же намъ теперь остается дѣлать?

— Ни больше, ни меньше какъ ѣхать въ деревню.

— Но сестра будетъ встревожена внезапнымъ пріѣздомъ обоихъ!

— Что касается до меня, то я предупредилъ Соню телеграммой.

— Я сдѣлалъ тоже самое!

— Ты когда послалъ телеграмму?

— За день до отъѣзда.

— Значить и безпокоиться нечего, сестра обѣ телеграммы получить вмѣстѣ!

— Несомнѣнно. Ты получилъ багажъ?

— Нѣтъ еще.

— Надо получить, да посмотрѣть, выслали за нами лошадей. Пстой, вонъ, кажется, идетъ нашъ нѣмой Личарда, его, вѣроятно, Соня прислала вмѣстѣ съ лошадьми.

— Дѣйствительно, это онъ, поспѣшимъ, чтобы во время пріѣхать въ „Свѣтлое“. Оба брата двинулись на встрѣчу, робко подходившаго къ нимъ, нѣмаго лакея Ивана, который, склонивъ голову на правую сторону, умильно ухмыляясь, отвѣшивалъ поклоны, а его сѣрые, очень подвижные глаза сіяли радостью и той преданностію, которая отличаетъ слугъ, сжившихся съ господами. Чѣмъ Иванъ ближе подходилъ къ Дятлевымъ, тѣмъ шаги его дѣлались быстрѣе и, наконецъ, не умѣя далѣе владѣть собою, онъ со всѣхъ ногъ пустился къ нимъ и началъ цѣловать въ плечо обоихъ братьевъ, сильно жестикулируя руками и дѣлая какіе то знаки, не понятные для постороннихъ, но понятные для Дятлевыхъ, которые означали, что онъ давно уже ждетъ ихъ на станціи, и что Софья Александровна здорова и дома все обстоитъ благополучно, и что Иванъ очень радъ ихъ пріѣзду, такъ какъ теперь пойдетъ другой порядокъ въ имѣніи, и что онъ не будетъ больше слушаться экономки, которая къ нему не-

справедлива и заставляет не только что самоваръ носить, но и топить печи, и за всѣ его труды оплачиваетъ ему тѣмъ, что не всегда пускаетъ въ домъ. Что же это за лакей, котораго не допускаютъ по прихотѣ экономки въ домъ? Жизнь въ кухнѣ несовмѣстима съ призваніемъ лакея и вовсе идетъ въ разрѣзъ съ его мнѣніемъ о этой должности. Въ кухнѣ кухарка для людей готовить не такъ хорошо, какъ тѣ кушанья, которыя Иванъ получалъ отъ господскаго стола, и что отъ кухаркиныхъ блюдъ у него сдѣлался катарръ, который сведетъ его въ могилу, если не пресѣкутъ во время это зло. Дятлевы утѣшили, какъ могли, сѣтующаго Ивана и видя, что вокругъ нихъ собрался довольно значительный кружокъ зѣвакъ, привлеченный жестами нѣмага лакея, поспѣшили услатъ его за лошадыми, а сами отправились получать багажъ. Когда тройка гнѣдыхъ подкатила къ подъѣзду станціи, то Дятлевы уже стояли на крыльцѣ и, не теряя времени, пустились въ „Свѣтлое“. Дятлевы были очень похожи другъ на друга и, увидя обоихъ вмѣстѣ, ихъ тотчасъ можно было признать за родныхъ братьевъ, но насколько они были похожи лицомъ, настолько разошлись характеромъ. Старшій братъ, Петръ, былъ человѣкъ спокойнаго характера, нѣсколько флегматикъ, говорилъ ровнымъ, безъ интонаціи, голосомъ, рѣдко выходилъ изъ себя; младшій же напротивъ, при большой добротѣ, былъ вспыльчивъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ загорался какъ порохъ, хотя и не на долго; порывы Ивана Александровича иногда съ успѣхомъ умѣлъ обуздывать Петръ Александровичъ и его вліяніе на младшаго брата въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни было благотѣльно. Послѣ смерти старика Дятлева, братья получили довольно значительное имѣніе, хозяйствомъ котораго въ ихъ отсутствіе завѣдывала Софія Александровна, при помощи приказчика и очень опытной, добросердечной старушки, экономки ихъ, не богатой дворянской семьи, Ольги Николаевны Вальцевой. Вальцева полюбила Дятлевыхъ, привязав-

шись всѣмъ сердцемъ къ Софѣ Александровнѣ, и заботилась о ея интересахъ, какъ о своихъ собственныхъ, и болѣе лучшей хозяйки трудно было найти неопытной дѣвушкѣ. Ольгѣ Николаевнѣ до всего было дѣло: ея зоркій глазъ поспѣвалъ всюду во время и видѣлъ все, что дѣлается не только въ домѣ, но на гуменникѣ и на конюшняхъ, такъ что люди говорили, что Вальцева спитъ даже съ открытыми глазами; это всестороннее вмѣшательство и было причиной не любви къ ней нѣмага Ивана; Ольга Николаевна не давала ему воли, стараясь всѣми силами сдѣлать такъ, чтобы нѣмой не сидѣлъ сложа руки и несъ работу наравнѣ съ другими, съ чѣмъ Иванъ ни какъ не могъ безъ протеста помириться, такъ какъ считалъ своею обязанностію только подавать кушанье, а ужъ ни какъ не топить печи зимою. Это было для нѣмага самая ненавистная работа и онъ въ отсутствіе самихъ Дятлевыхъ, послѣ каждой топки, вынималъ изъ боковаго кармана пиджака листъ истрепанной, грязной бумаги и наносилъ на ней какія то загадочныя отмѣтки. Вальцева видѣла это, но недоумѣвала, къ чему Иванъ записываетъ вытопленные печи. Въ день полученія телеграммъ, вечеромъ, Вальцева сидѣла въ столовой около кипящаго самовара, Софья Александровна находилась тутъ же, нѣмой угрюмо стоялъ около двери, неодобрительно посматривая на экономку; иногда Иванъ дѣлалъ какіе то знаки рукою, которые къ его досадѣ проходили незамѣченными со стороны присутствовавшихъ, видя, что на него не обращаютъ вниманія и не вступаютъ съ нимъ въ объясненіе. Иванъ стукнулъ, что было мочи, о полъ ногою, знакъ того, что онъ намѣренъ общество занять своей особой, и просилъ удѣлить ему нѣсколько времени. Когда глаза Софьи Александровны и Ольги Николаевны обратились на него, то Иванъ, приложивъ указательный палецъ къ носу, остался на нѣкоторое время въ этомъ положеніи, давая понять, что предметомъ бесѣды будетъ Иванъ Александровичъ, котораго онъ изображалъ потому такъ, что тотъ имѣлъ боль-

шой съ горбиной носъ, затѣмъ, прижавъ, въ видѣ подзорной трубы, къ глазамъ обѣ руки, онъ также, какъ и первый разъ, на нѣкоторое время застылъ въ этомъ положеніи, что свидѣтельствоvalo о томъ, что въ настоящую минуту онъ также имѣетъ въ виду личность Петра Александровича, котораго представлялъ потому такъ, что тотъ носилъ очки. Когда все это было выяснено, то Иванъ величественно вытащилъ знакомый уже листъ бумаги и, поставивъ около буфетнаго шкафа свѣчу, началъ читать написанное; по комнатамъ раздались дикіе возгласы, неимѣющіе ничего общаго съ чтеніемъ, а похожіе скорѣе на ревъ звѣря; въ этихъ неистовыхъ крикахъ чаще всего повторялись звуки, имѣющіе сходство съ „пш, пш и уфъ, уфъ“. Читалъ Иванъ долго, то понижая, то возвышая голосъ и Софья Александровна едва могла догадаться, что означало это таинственное чтеніе.

— Ольга Николаевна, сказала она, знаете, что читаетъ Иванъ?

— Догадываюсь, онъ приготовилъ на меня прошеніе, которое преподнесетъ вашимъ братьямъ.

Дятлева взяла изъ рукъ нѣмага прошеніе, въ которомъ стояло безчисленное количество палочекъ, означавшихъ число вытопленныхъ печей и, не сказавъ ни слова, возвратила назадъ. Иванъ бережно взялъ бумагу и, пригрозивъ пальцемъ экономкѣ, вышелъ. Черезъ часъ была получена телеграмма отъ Петра Александровича; Софья Александровна недоумѣвала и не знала, чѣмъ объяснить пріѣздъ брата въ „Свѣтлое“, но когда ей пришлось прочесть другую—отъ Ивана Александровича, почти такого же содержанія, какъ и первая, то удивленіе ея возросло еще болѣе; нѣмага все это очень интересовало и когда ему объяснили, что онъ поѣдетъ на вокзалъ вмѣстѣ съ кучеромъ, то Иванъ такъ обрадовался, что забылъ, на какой онъ градаціи находится относительно экономки, и вертѣлъ предъ самымъ носомъ Вальцевой свое бумагомараніе, что, вѣроятно, означало, что часъ мести насталъ и онъ не замедлитъ моло-

дымъ господамъ объявить всю гнусность поступка Ольги Николаевны. Нѣмой Иванъ еще въ крѣпостное право былъ взять отцомъ Дятлевыхъ въ домъ, природный недостатокъ его имѣлъ въ глазахъ Дятлева много говорящаго за себя, онъ думалъ, что нѣмой слуга будетъ удобнѣе говорящаго и отъ него онъ не услышитъ тѣхъ сплетень, которыя считали нужнымъ, не смотря на запрещеніе, рассказывать другіе служащіе, но Дятлевъ ошибся,—во всей дворнѣ не было болѣе любопытнаго чловѣка, чѣмъ Иванъ, и ему ранѣе другихъ, какимъ то непостижимымъ образомъ, удавалось узнавать новости, которыя онъ многосложной мимикой лица и различными тѣлодвиженіями дѣлалъ достояніемъ всѣхъ живущихъ въ домѣ. Какъ лакей, онъ былъ очень исполнителенъ, если не считать пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, такъ какъ пилъ запоемъ и, уклоняясь отъ истинной стези, пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ неизвѣстно гдѣ, являясь изъ этихъ отлучекъ оборваннымъ и не сознавая хорошо, гдѣ онъ былъ; но однажды, какъ исключеніе, онъ запомнилъ одно грустное происшествіе, случившееся съ нимъ въ уѣздномъ городѣ П., въ который онъ попалъ въ пьяномъ видѣ, гдѣ, шатаясь по улицамъ, имѣлъ несчастіе привлечь на себя взоры блюстителя порядка.

— Кто ты такой?—спросилъ у нѣмаго полицейскій чиновникъ.

Иванъ молчалъ.

— А, да ты притворяешься! Постой, я тебя выучу говорить!

Раздался свистокъ, со всѣхъ сторонъ на грозный призывъ начальника бѣжали запыхавшіеся будочники и жертву молчанія повели къ допросу, гдѣ и задержали до уясненія его личности, а затѣмъ, розысканный Петромъ Александровичемъ, Иванъ былъ водворенъ на прежнее мѣсто жительства, но нѣмой запомнилъ обиду и въ его памяти запечатлѣлись черты лица строгаго блюстителя порядка и онъ изыскивалъ способъ отплатить ему сторицей; случай не замедлил предста-

виться. Петръ Александровичъ, отправляясь разъ въ городъ за покупками, нужными въ имѣніи, взялъ для ношенія ихъ Ивана и когда они проѣзжали по одной изъ улицъ города, то встрѣтили шедшаго по тротуару строгаго блюстителя порядка, не совсѣмъ трезваго, пошатывающагося изъ стороны въ сторону и ищущаго опоры въ попадавшихся деревьяхъ и досчатыхъ заборахъ. Иванъ, посмотрѣвъ на чиновника и признавъ за то лицо, которое за подобное состояніе арестовало его, нашелъ нужнымъ отплатить ему тѣмъ же и, моментально соскочивъ съ козель экипажа, бросился къ блюстителю и, схвативъ его поперекъ желѣзными и мускулистыми руками, взвалилъ на плечи и пошелъ въ полицію. Плѣнникъ началъ отбиваться, болтая ногами въ воздухъ и нанося беспощадные удары Ивану, но тотъ не выпускалъ добычи, продолжалъ не совсѣмъ обыденное шествіе, на помощь спѣшили околодочные, а сзади догонялъ Ивана окончательно растерявшійся Петръ Александровичъ, подбѣжавъ къ которому, онъ жестами велѣлъ освободить плѣнника. Иванъ безпрекословно выпустилъ изъ рукъ добычу и та, изрыгая площадныя ругательства, грузно шлепнулась на тротуаръ. Петръ Александровичъ попросилъ у Ивана объясненіе такого поступка и изъ дознанія оказалось, что это тотъ самый чиновникъ, который посадилъ нѣмаго подъ арестъ за нетрезвое поведеніе, и если блюститель порядка такое положеніе находилъ подлежащимъ отвѣтственности, то онъ самъ, какъ начальникъ, не долженъ вести себя такимъ образомъ.

— А вѣдь резонно, подумалъ Петръ Александровичъ, мысленно соглашаясь съ доводами нѣмаго, но тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ извиниться предъ полицейскимъ чиновникомъ. Дятлевы снисходили къ слабостямъ слуги своего покойнаго отца и прощали ему охотно нѣкоторыя прегрѣшенія, Софья Александровна же смотрѣла на проделки Ивана нѣсколько строже и лишала его послѣ какогонибудь инцидента своихъ милостей; самымъ жестокимъ для него наказа-